

По родному краю: сборник статей по отечествоведению

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П41

П41 По родному краю: сборник статей по отечествоведению / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 384 с.

ISBN 978-5-517-96681-0

ISBN 978-5-517-96681-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тихо къ углу, перекинулъ на случай ногу за сѣни и, сидя на стѣнкѣ, уже спокойнѣе сталъ вглядываться въ этого красавца полярнаго края. Дѣлать было больше нечего; проводники мои суетились позади избы около занесенныхъ снѣгомъ саней, вытаскивали ружья изъ-подъ снѣга и искали патронныя сумки.

Бѣлый съ желто-серебристымъ отливомъ медвѣдь стоялъ совершенно спокойно и такъ близко, что было возможно рассмотреть его глаза, движенія языка, облизывающаго морду, видѣть паръ его дыханія, всѣ движенія тѣла,—все какъ на ладони. Онъ стоялъ головой къ намъ и рвалъ шкуру нерпы. Я видѣлъ еще два раза, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, но уже не ощущалъ боязни, а любовался все болѣе и болѣе его серебристою шерстью и красотой всего его корпуса.

Время не шло, а ползло, и минуты казались часами. Проводники возились около саней; собаки жались за избой, боясь медвѣдя. Я думалъ уже достать фотографическій аппаратъ и защелкнуть моментальнымъ затворомъ красавца на негативъ на память, но было уже поздно: охотники чокали своими затворами, очищая снѣгъ, и я снова остался на своемъ посту, желая скорѣе видѣть развязку всего дѣла. Но конецъ былъ еще не скоро. Охотники не могли вставить патроны: одинъ колотилъ по затвору берданки, такъ что я думалъ, что онъ сломаетъ ее раньше выстрѣла или убьетъ себя; другой ударялъ кулакомъ по курку норвежскаго магазиннаго ружья, пыхтя надъ невлѣзавшимъ патрономъ и подувая на руки, уже ознобленныя отъ желѣза.

Одна собака, видя ружья хозяевъ, подошла къ медвѣдю, но тотъ такъ внушительно посмотрѣлъ на нее, тихо поворотивъ въ ея сторону голову, что она не таякнула, поджала хвостъ и бокомъ отошла въ сторону.

Наконецъ, Тайборей забилъ патронъ, подошелъ поближе, присѣлъ на корточки и сталъ цѣлиться. Я замеръ, глядя на медвѣдя. Тотъ попрежнему теребилъ сало. Жду. Выстрѣла нѣтъ. Было уже два превосходныхъ момента, когда звѣрь поднималъ голову, обнажая широкую грудь для цѣли. Но вотъ выстрѣлъ. Медвѣдь съ ревомъ обернулся и что-то грызъ назадъ своего тѣла, изогнувшись дугою; около него поднялась снѣжная пыль. Прошло мгновеніе. Второго выстрѣла не послѣдовало. Медвѣдь, какъ стрѣла, понесся мимо насъ къ морю, собаки бросились къ нему навстрѣчу, схватили за гачи и звѣрь круто остановился; еще моментъ и онъ бросился въ нашу сторону за собакой; другая схватила его сзади; онъ

быстро обернулся и кинулся за ней, но тутъ третья щипнула его за бокъ, и начались туры.

Медвѣдь безпрестанно кидался въ сторону, кружился, словно танцуя. и удивительно быстро поворачивался то въ правую, то въ лѣвую сторону, потомъ пускался снова впередъ. Охотники бѣжали, присѣдая, сзади него; одинъ все еще возился съ несчастною берданкой, вставляя со снѣгомъ патронъ. Я видѣлъ, что звѣрь уходитъ, и въ отчаяніи бѣжалъ позади, безъ шапки, чуть не падая на бѣгу и стараясь только видѣть ходъ охоты. Охотники все еще не могли выбрать момента для выстрѣла, боясь убить собакъ, сновавшихъ около звѣря, и только напрасно прицѣливались. Собаки же все смѣлѣе и азартнѣе нападали на раненаго звѣря; ихъ было 27 штукъ, и дѣло кипѣло. Наконецъ, раздался и второй выстрѣлъ. Медвѣдь на мгновеніе припалъ на переднія лапы и снова, не обращая вниманія на человѣка, выстрѣлившаго въ него всего на разстояніи 10—12 сажень, бросился за собаками и, догнавъ одну, смялъ ее и началъ топтать передними лапами; но другая отвлекла его и онъ снова началъ носиться кругомъ за собаками. Охотники все приноравливались стрѣлять, но попрежнему не находили удобнаго момента. Одна собаченка оплошала и попала въ зубы звѣря, тотъ несъ ее за задъ, а она изогнувшись, старалась укусить его за морду и, кажется,хватила, потому что онъ далеко отшвырнулъ ее въ сторону. Но вотъ грянулъ еще выстрѣлъ и медвѣдь грузно свалился на землю.

На минуту его стало не видно; собаки всѣ бросились къ нему и стали рвать. Когда мы подбѣжали, звѣрь уже былъ мертвъ и только встряхивался отъ тормошившихъ его немилосердно собакъ, хватавшихъ больше за окровавленные мѣста. Мы едва отогнали собакъ. Красавецъ лежалъ на боку, скрестивши лапы, и только послѣднія судороги еще порой подергивали остывшее тѣло.

Медвѣдь оказался длиною, считая и голову, въ 12½ четвертей, а вышиною въ 7½ четвертей. Это былъ звѣрь средней величины.

Метель уже начала заносить его снѣгомъ, когда мы приступили къ свѣжеванью. Я наблюдать за сниманіемъ шкуры, которая шла въ мою коллекцію. Сала оказалось въ звѣрь до 4-хъ пудовъ, но его мы пожертвовали вмѣстѣ съ тушей собакамъ. Впрочемъ, и самоѣды, за неимѣніемъ оленины, охотно кушаютъ медвѣжатину отзывающуюся ворванью.

Вечеромъ за чаемъ, приправленнымъ оживленными разговорами объ охотѣ, мы сырѣемъ отвѣдали лучшую по вкусу часть мед-

вѣжяго тѣла—сердце. Оно, правда, довольно вкусно, хотя все же отзывается запахомъ ворвани.

Было уже далеко за полночь; надъ нашимъ убѣжищемъ снова свисталь штормъ, снова вздрагивала избушка, свистало по угламъ, но мнѣ было уже весело сидѣть тутъ и слушать разговоры, вспоминать о подобныхъ же охотахъ и записывать въ дневникъ подробности и картины того, что несвязно, но жизненно и картинно могъ передать самоѣдскій языкъ.

Просидѣвъ еще два дня въ нашей избушкѣ, мы, наконецъ, отсидѣлись отъ шторма и метели и двинулись дальше къ югу, къ Кармакульской колоніи. Ночью намъ снова свѣтило чудное сѣверное сіяніе, то развертываясь лентой по синему небосклону надъ нашими головами, то вставая громадными лучами по сторонамъ свѣтовой дуги и принимая причудливыя формы на темносинемъ звѣздномъ небосклонѣ, когда кругомъ безмолвно съ одной стороны спали горы, а съ другой—синѣлся неозримый океанъ.

К. Носиловъ.

Вайгачь-островъ.

Въ глуши Сѣвернаго Ледовитаго океана, въ тѣхъ малоизвѣстныхъ водахъ, гдѣ только изрѣдка показывается убогая ладья мезенскаго промышленника, да шкуна предприимчиваго норвежскаго китолова, между пустынею Новой Земли и пустынею материка, лежитъ большой, богатый, но почти никому, внѣ предѣловъ Архангельской губерніи, неизвѣстный Вайгачь-островъ. Наши отдаленные предки твердо вѣровали, что здѣсь, въ привольѣ никому недоступныхъ захолустій, живетъ чудное племя, только въ лѣтнее время выходящее на свѣтъ Божій. Зиму, т. е. 8 мѣсяцевъ въ году, оно спитъ безпробудно во тьмѣ черныхъ пещеръ, въ расщелинахъ, куда не зайдетъ ничто живое, гдѣ даже чайка—этотъ цыганъ сѣверныхъ морей не вьетъ гнѣзда, куда метель не заноситъ пушистаго, бѣлаго снѣга. Теперь мы не вѣримъ въ спящихъ чудовищъ, но больше ли мы знаемъ объ этой суровой и безлюдной пустынѣ арктическаго пояса? Скандинавскіе поэты островъ Вайгачь и всѣ прилегающія къ нему страны континента называли однимъ именемъ Ютунгейма, населяя его магами и чародѣями. Наши лѣтописцы, со словъ новгородскаго купца Гурята-Роговича, писали: „Югра же рѣкоша моему отроку: дивно мы находимъ чудо, его же нѣсьмы

слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти; суть горы зайдуче луку моря имъ же высота яко до небесе и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало и тудѣ молвять и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза и аже кто даетъ имъ ножъ ли или сѣкиру, дають скоро противу.“ Смѣлые новгородскіе ушкуйники не останавливаются передъ ужасами невѣдомой имъ пустыни. Въ ихъ разсказахъ часто слышатся ссылки на сѣверное лукоморье (берега Карской земли), а это еще далѣе Вайгача. Затѣмъ извѣстно, что новгородцы не разъ отваживались розыскивать серебряныя руды не только на Новой Землѣ, но и на Колгуевѣ и на Вайгачь-островѣ. Для отважныхъ купцовъ-разбойниковъ не существовало препятствій, они кидались всюду, гдѣ чуяли прибытокъ, они изъ удалства стремились и туда, гдѣ ждали ихъ однѣ опасности. Этимъ пиратамъ дѣвственныхъ пустынь Заволоцкой чуди—Россія обязана первыми свѣдѣніями о Сѣверѣ. Они его колонизировали и во всякомъ случаѣ гораздо производительнѣе пользовались его богатствами, чѣмъ жалкое и дряблѣе поколѣніе нашего времени.

На Вайгачь и теперъ отправится не всякій промышленникъ.

— Молодецъ-парень, на Вайгачь-островѣ побывалъ,—говорять пустозерцы о смѣльчакахъ, осмѣливающихся пробратъся въ эту пустыню.

— На Вайгачѣ побывать—смерть узнать.

— Вайгачь—горю matka.

— Плачь—коль пошелъ на Вайгачь, значитъ счастливъ—коль вернулся живъ.

Даже самоѣды, легко выносящіе цѣлые годы одинокаго странничества по пустынямъ, прилегающимъ къ рр. Коротанхъ, Пай и Осоваяга, неохотно рѣшаются перебраться на зимній промыселъ черезъ Югорскій шаръ въ скалистыя пространства лежащаго по ту сторону острова. Правда, на сосѣднемъ берегу континента пустозерцы и ижемцы выстроили нѣсколько промысловыхъ избушекъ, но далѣе они не часто ходятъ развѣ явится какая нибудь разудалая голова, которой все трынъ-трава, жизнь—копейка, а море по колѣно.

Одинъ изъ такихъ промышленниковъ, посѣщавшій западный берегъ Вайгача, восторженно описывалъ его эффектныя картины. Онѣ были бы похожи на пейзажи Новой Земли, если бы здѣсь не поражали внезапные и неожиданные контрасты едва замѣтныхъ, сливающихся съ волнами океана отмелей и громадныхъ, словно

цѣлыми горами, въ безпорядкѣ, однѣ на другія наброшенныхъ скалъ. Иногда цѣлый рядъ такихъ утесовъ, словно зубы чудовищнаго гребня, далеко вдаются въ море, образуя узкую, но длинную линію, называемую на мѣстномъ арго — хвостовина. Море неугомонно бьется между этими зубцами, подмывая и безъ того тонкія ихъ основанія. Въ одномъ мѣстѣ такая хвостовина напоминаетъ правильный рядъ позвонковъ какого-то миѣического звѣря. Иногда берегъ тянется передъ мореходомъ мягкоочерченными, но бесплодными холмами. Они становятся все выше и сумрачнѣе, и, наконецъ, вдругъ развертываютъ поразительно эффектную картину отвѣснаго и гладкаго каменнаго обрыва, на громадную высоту подымающагося изъ вѣчной толчеи пѣнящихся волнъ. Черныя расщелины и трещины, какъ невѣдомыя письмена гигантовъ, чернѣютъ на этой вертикальной скрижали, сіяющей во время заката, словно громадная золотая доска, раскалившаяся въ огнѣ и поставленная посреди розоваго, яркимъ сіяніемъ зари охваченнаго океана. Внизу волны выбили цѣлые ряды черныхъ пещеръ; входъ въ нихъ почти заросъ морскою травою, но когда вѣтеръ отпахнетъ эту живую завѣсу въ сторону, передъ вами явится такая адская щель, что вы съ ужасомъ уйдете отсюда къ болѣе гостепріимнымъ берегамъ. Одинъ изъ промышленниковъ видѣлъ, плывя мимо, разбитою бурей и брошенное въ такую черную дыру, судно. Экипажъ окликалъ его—отвѣта не было. Только волны глухо шумѣли, вбѣгая въ зіяющую пасть пещеры. Были-ли тамъ люди?—Едва ли. Море давно своими водорослями оцѣпило корпусъ этой шкуны. Если тамъ кто нибудь и оставался въ моментъ крушенія, то его или смыло водою, или онъ умеръ болѣе ужасною, голодною смертію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега видны полукружія стоящихъ рядомъ и ровныхъ съ плоскими вершинами скалъ. Глядя на нихъ, невольно приходитъ въ голову сравненіе съ гигантскою челюстію. А тамъ, гдѣ берега сливаются съ океаномъ низменными мелями, туда приступить еще опаснѣе. Того и гляди, что попадешь на мель. За то здѣсь же есть и бухты, гдѣ во время самыхъ ужасныхъ штормовъ царитъ невозмутимое спокойствіе и, подъ защитою каменныхъ массъ, море остается недвижно, какъ ясное зеркало. Шкуна, заштильвавшая посреди такой бухты, можетъ считать себя совершенно безопасной.

— Съ оглядкой плывемъ, ежечасно поминая Господа, Христа милосердаго. Не доглядишь—и читай со святыми упокой. Такое мѣсто, въ немъ, въ этомъ мѣстѣ разуму нѣтъ. Воронкой на дно и пойдешь.

— Водовороты вѣрно?

— По нашему сувой. И море покойно, а попадешь на эту точку—разомъ завертеть. Оно издали видно. Округомъ лежитъ, словно кто его край бороздой провелъ. Енъ шутить не любитъ. Енъ на дно скуны присасывается...

— Кто онъ?

— Извѣстно... нечистъ. Ей въ этихъ сувояхъ—нерушимое царство. Кто какъ ежели, да безъ молитвы—бѣда. Опять ежели непочтителенъ кто къ ей—тоже не любитъ. Енъ—нечистый—нравный, сила ему дана губить христіанскія души, онъ это и чувствуетъ. Ты и понимай и остерегись ежели что. Присосется—на дно притянетъ, къ себѣ...

Таковы окраины этой пустыни, простирающейся въ длину до 150 и въ ширину до 40 верстъ, Вся эта площадь составляетъ около 8,000 кв. верстъ. Нѣкоторые географы умаляли почти на $\frac{3}{4}$ размеры этого острова, но рассказы мезенскихъ промышленниковъ и норвежскихъ китолововъ даютъ возможность добыть болѣе точные факты. Географическое положеніе Вайгача опредѣляется $69^{\circ}21'$ и $70^{\circ}5'$ сѣверн. широты и $70^{\circ}10'$ и $78^{\circ}9'$ вост. долготы (отъ Ферро). Онъ составляетъ среднее звено громаднаго хребта, начинающагося въ южныхъ отрогахъ Урала и оканчивающагося на крайнемъ сѣверѣ конечнымъ мысомъ Новой Земли. Впрочемъ, нѣкоторые идутъ еще далѣе, утверждая, что отъ Новой Земли вплоть до Грумманта*) тянется по дну океана тотъ же хребетъ. Вся эта горная цѣпь прерывается только въ трехъ мѣстахъ: Корсаемъ или Карскими (железными) воротами, Югорскимъ шаромъ и Маточкинымъ шаромъ. По дну этихъ проливовъ отъ Вайгача на сѣверъ къ Новой Землѣ и отъ него же на югъ къ континенту тянутся каменистыя подводныя гряды, соединяющія между собою эти звенья колоссальнаго Урала. Поразительную картину представляетъ Корсай**) проливъ въ 68 верстъ длины и отъ 20 до 80 футовъ ширины***). Въ этихъ узкихъ дефиляхъ вода иногда мчится съ невыразимою быстротою. Теченіе такъ стремительно, что железныя ворота никогда не замерзаютъ. Громадныя льдины, заносимыя сюда изъ океана западными и сѣверо-западными вѣтрами, крошило въ дребезги. Одинъ промышленникъ самоѣдъ, зимовавшій на крайней оконечности Вайгача, ближайшей къ Новой Землѣ, съ ужасомъ рассказывалъ о борьбѣ

*) Груммантъ.—Шницбергенъ.

**) Корсай отдѣляетъ Новую Землю отъ Вайгача.

***) Разумѣется, это только въ болѣе узкихъ мѣстахъ.

громадной ледяной массы съ теченіемъ Карскаго пролива. Ее несло, какъ гигантскую гору, и въ самомъ узкомъ мѣстѣ, опрокинувъ, смололо почти моментально. Мезенскій звѣроловъ говорилъ мнѣ (насколько можно этому вѣрить?), что во время самага сильнаго, видѣннаго имъ, теченія громаднѣйшій стволъ лиственницы, вынесенный въ океанъ какою нибудь рѣкою континента, раздробило въ щепу только силою воды. Впрочемъ, такое теченіе бываетъ не особенно часто. Его промышленникъ переживаетъ въ одной изъ бухтъ Кусовой земли. Другой южный проливъ Югорскій шаръ—гораздо шире. Его считаютъ въ 45 верстъ длины и въ 15 верстъ ширины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и онъ впрочемъ суживается до 3 верстъ. Плаваніе по Югорскому шару было бы безопасно, если бы на немъ не было двухъ совершенно противоположныхъ теченій одновременно стремящихся: первое вдоль континента изъ океана въ Карское море и второе вдоль Вайгача изъ Карскаго моря въ океанъ. Фарватеръ при этомъ опредѣляется весьма неточно. Не говоря уже о рифахъ, усѣвающихъ его, корабль легко можетъ попасть въ теченіе обратное своему кругу, и тогда его не выручатъ и паруса; развѣ ужъ очень силенъ попутный вѣтеръ, если какъ нибудь ему и удастся миновать эту Сциллу и Харибду сѣвера. Островъ Вайгачъ внутри сплошь покрытъ скалами и горами. Кряжи, пересѣкающіе его во всѣхъ направленіяхъ, состоятъ изъ каменныхъ стержней, едва-едва прикрытыхъ скудною почвой. На югѣ тянутся Пѣтушки—высокіе гребни, окаймляющіе Югорскій шаръ. На юго-западѣ—подымается Карповскій камень. Самыя высокія горы здѣсь—Осьминкинскія. Это цѣпь высокихъ конусовъ, проходящихъ внутри острова. На голыхъ „плѣшкахъ“ ихъ вершинъ часто возносятся фантастическіе четырехугольные и круглые утесы, напоминающіе издали развалины замковъ и обломки колоннъ. Они рѣзко отдѣляются отъ голубого фона неба, рисуясь передъ глазами наблюдателя во всей своей величавой наготѣ, незагромождаемые верхушками лѣсныхъ деревьевъ или грудями осыпавшагося щебня. Самоѣды смотрятъ на эти горы съ суевѣрнымъ ужасомъ, считая утесы ихъ вершинъ сѣдалищами невидимыхъ, но грозныхъ духовъ. Вообще, для этихъ номадовъ нашего Сѣвера—островъ Вайгачъ былъ нѣкогда громаднѣйшимъ храмомъ, гдѣ совершались всѣ таинства ихъ языческаго и малопонятнаго культа. Впрочемъ объ этомъ ниже.

Намъ удалось слышать въ Архангельскѣ разсказъ о партіи промышленниковъ, заблудившихся посреди этихъ горъ зимою. Они на берегахъ Лямчинской губы выстроили себѣ станovou избу и разошлись въ разныя стороны, позабывъ маточку, т. е. компасъ. Наста-

ла ночь, ни одинъ изъ нихъ не возвращался. Оставшійся въ становищѣ ихъ товарищъ стрѣлялъ на воздухъ, зажигалъ костры—ничто не помогало. Никто не приходилъ на огонь и выстрѣлы. Нѣсколько самоѣдовъ, пробиравшихся съ своими оленями вдоль морского берега, наткнулись на избенку. Войдя туда, они нашли полумертваго парня, второй уже день ничего неѣвшаго и не раскладывавшаго огня. Самоѣды выспросили все, что тотъ зналъ, и отправились на розыски. Трое изъ промышленниковъ нашлись замерзнувшими въ разныхъ положеніяхъ. Они заблудились у Лямчинскаго камня въ собственныхъ своихъ слѣдахъ. На другой день еще отъ одного отыскались кровавые слѣды и остатки изодранной одежды. Этотъ, вѣроятно, попалъ на встрѣчу ошкую (бѣлому медвѣдю)—совершенно безоружнымъ. Двое пропали безслѣдно и кости ихъ навѣрно до сихъ поръ бѣлѣютъ гдѣ-нибудь на голыхъ скалахъ этого острова. Теперь на Вайгачѣ постоянно живутъ самоѣды и островъ этотъ доставляетъ имъ обильныя средства къ жизни. При нѣкоторыхъ условіяхъ и русскіе могли бы поселиться тамъ, еслибы не общая вѣра въ неминуемую гибель, которая ждетъ всякаго промышленника, осмѣливающагося пробыть здѣсь хотя одну зиму. Правда, Вайгачъ крайне непривлекателенъ даже для неприхотливаго пустозерца или ижемца, но дѣло вѣдь не въ красотѣ страны, а въ ея естественныхъ богатствахъ.

Растительность острова ничтожна. Передъ вами просторъ—неоживляемый яркими цвѣтами, свойственными даже и альпійской флорѣ. На склонахъ горъ—ковры однообразнаго ягеля устилаютъ скудную почву, перемежаясь съ приземистымъ ивнякомъ, подымающимся на солнечномъ припекѣ до 7 и 8 футовъ высоты. Въ пониженіяхъ, пропитанныхъ влагою, болотная трава и зеленый мохъ только и оживляютъ угрюмое величіе этого пейзажа. Близъ юго-западныхъ береговъ—поросль лучше и разнообразнѣе. Тутъ—щавель, дикій лукъ, ложечная трава, ивановъ цвѣтъ, осока, морская капуста (лапуха), морской горохъ, первоцвѣты и даже незабудки. Отсутствіе яркихъ красокъ, подавляющая тишина производятъ тяжелое впечатлѣніе и на привычнаго къ мертвому сѣверу островитянина. Мысль перестаетъ работать, сонливое спокойствіе и равнодушіе ко всему охватываютъ душу. А зимою, когда вся окрестность устлана бѣлою пеленою снѣга и только черные утесы поднимаются изъ этой однообразной массы—еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Уйти некуда. Вплоть до лѣта оставайся, лицомъ къ лицу—съ этимъ царствомъ смерти, гдѣ одна только вьюга нарушаетъ дикимъ воемъ и грохотомъ мрачное могильное молчаніе непривѣтливой природы.

— На Вайгачъ,—разсказывалъ мнѣ ижемецъ, встрѣченный на ярмаркѣ въ Архангельскѣ,—только разъ попалъ я на мѣсто сплошь поросшее цвѣтами. Бывали дни, когда только и встрѣтишь что щепоть травки, да и то треплется она изъ камня, сухая да желтая... Богомъ проклятый край.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ на Новой Землѣ были открыты залежи каменнаго угля. Есть основаніе предполагать, что и Вайгачъ не бѣденъ ими—еще одно доказательство иной температуры этого острова въ доисторическія времена. По свидѣтельству самоѣдовъ, въ почвѣ здѣсь попадаются мамонтовы кости и клыки, достигающіе иногда одиннадцати футовъ длины. За то, если эта пустыня бѣдна растительностью, если царство ископаемое дало ей весьма мало, она поразитъ васъ обиліемъ промысловыхъ звѣрей и птицъ. Въ водахъ, омывающихъ острова, ловятся неводами омули и гольцы, бьютъ бѣлухъ, моржей, морскихъ зайцевъ, лысуновъ, нерпъ и тюленей. Изъ птицъ здѣсь водятся чайки, гагарки, гагки, нырки, сокола, совы, даже орлы. Весною прилетаютъ сюда курапатки и разнаго рода утки (савки, шилохвостики, турпаны), лебеди, гуси, гагары и кулички. Это птичье царство, разумѣется, только близъ береговъ. Внутри страны—мертвая глушь, недвижная, неисходная. Тутъ же охотники добываютъ бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, пеструшекъ и оленей. Здѣсь пропасть волковъ и царь арктическихъ пустынь—бѣлый медвѣдь властно странствуетъ по громаднымъ пустырямъ Вайгача. Особенно много здѣсь промышляется рыбы, звѣря и птицы лѣтомъ. Съ 8-го мая по 20-е іюля солнце надъ островомъ не закатывается и тогда-то сюда собираются пустозеры, устьцилемы, ижемцы и самоѣды. Русскіе и зыряне при этомъ ограничиваются одною южною частью острова, не покушаясь проникать на дальній сѣверъ. Здѣсь ими выстроена часовня, гдѣ они и собирались прежде для молитвы въ праздничные дни.

Норвежскій кептейнъ, побывавшій здѣсь въ прошломъ столѣтіи и знавшій, что Вайгачъ незаселенъ, придумалъ сказку—о невидимыхъ жителяхъ этого острова. Когда онъ плылъ близъ южной оконечности его, то ему послышалась долгая, заунывная пѣсня. Отсюда—преданіе о духахъ, переговаривающихся между собою въ туманахъ осени—пѣснями. Изъ этой легенды скандинавскій поэтъ сдѣлалъ прелестное стихотвореніе. Сказка разрѣшается весьма просто. Норвежцу пришлось слышать какую нибудь мезенскую пѣсню, пѣтую цѣлою артелью промышленниковъ, отдыхавшихъ послѣ утомительной работы на суднѣ, укрытомъ въ безопасной бухтѣ утесами и мысами берега. Не это ли же самое послужило основаніемъ

для преданія о людяхъ, заключенныхъ въ горѣ и переговаривающихся оттуда? Югра на Вайгачѣ промышляла такъ же, какъ теперь тамъ промышляютъ русскіе. Ушкуйники, проѣзжавшіе мимо скалъ, слышали незнакомыя имъ пѣсни и создали миѳъ объ узникахъ каменныхъ горъ. На островѣ и до сихъ поръ отыскиваются слѣды пребыванія какого-то племени—желѣзные и мѣдные копья, посуда и др. Извѣстно, что вдоль по теченію р. Печоры, по рр. Колвѣ, Коротанхѣ и др. жило нѣкогда племя пещоры,—народъ троглодитовъ, обитавшихъ въ пещерахъ. Пещора была гораздо цивилизованнѣе настоящихъ обладателей тундръ, она знала употребленіе желѣза и мѣди, выдѣлывала изъ этихъ металловъ различные предметы. А въ доисторическія времена, въ свою очередь, истреблена самоядю. По всей вѣроятности, и Вайгачъ былъ нѣкогда занятъ какимъ нибудь отдѣльнымъ родомъ этой, нынѣ исчезнувшей, расы аборигеновъ крайняго сѣвера.

Вайгачъ для самоѣдовъ долго былъ священнымъ островомъ. Тутъ, на различныхъ пунктахъ, преимущественно же на выдающихся высотахъ береговыхъ скалъ, и до сихъ поръ встрѣчаются ихъ идолы. Такіе же деревянные обрубки ставятъ и нынѣшніе самоѣды-промышленники у лисьихъ и песцовыхъ норъ острова Вайгача. Мореходы, особенно же иностранцы, посѣщавшіе эти отдаленные берега, изумлялись, встрѣчая на безлюдь группы каменныхъ, деревянныхъ идоловъ, безобразно изсѣченныхъ самоѣдами. Окровавленные жертвенною кровью истуканы, кровь на скалахъ окружающихъ ихъ, кровью пропитанная почва вокругъ—все внушало ужасъ несвѣдущимъ чужеземцамъ, воображавшимъ, что они попали въ страну каннибаловъ. Дѣло объясняется весьма просто. Самоѣды въ опредѣленные времена года сходились сюда прежде для своихъ общественныхъ богослуженій. Какъ особенно святое мѣсто, въ этомъ отношеніи славился мысъ Болванскій—полукруглая каменная масса, далеко выдающаяся въ море на юго-западной оконечности острова. Въ этомъ мысѣ чернѣетъ громадная и глубокая пещера съ двумя выходами, однимъ широкимъ—къ морю и другимъ узкимъ, открывающимся въ вершинѣ утеса. Вихри, врываясь въ пещеру, производятъ въ ней и теперь оглушительный гулъ, поражающій ужасомъ дикаря, слышащаго въ немъ голосъ своего божества. Тутъ-то самоѣды и поставили свой главный идолъ—*Весакъ*. Онъ былъ деревянный, трехгранный, высокій и тонкій, о семи лицахъ, которыя были вырѣзаны на двухъ отлогихъ гранахъ, одно надъ другимъ; само собою разумѣется, что рѣзба лица была грубымъ подражаніемъ природы—и то самоѣдской. Щеки у идола вырѣзаны впадинами, съ